

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Шаршуковой Ольги Валерьевны
«„Георгики“ Вергилия и жанр дидактического эпоса»
по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая
филология»**

Диссертация о жанровой природе литературного произведения может иметь целью обогатить теорию жанров. Исследователя будут занимать вопросы теоретической поэтики, придется выстраивать иерархию критериев, выявлять необходимые и достаточные условия, позволяющие соотнести данную вещь с одной из существующих жанровых структур, рассуждать о функциях однотипных художественных явлений. Такой подход оправдан главным образом при анализе произведений новоевропейской литературы, в которой – со времени появления трагикомедии, а то и раньше – жанр стал категорией априори дискуссионной и которая – примерно с тех же времен – находится под ощутимым влиянием эстетической теории. Античная литература, также как и ближневосточная словесность, в этом смысле гораздо консервативнее: границы жанров жестко определены, главным образом внелитературными факторами, и нарушаются лишь в исключительных случаях. Анализ творений античных поэтов с точки зрения теории жанров станет, поэтому, схоластическим, пополняя разве что известную, идущую от Аристотеля, мета-литературную кладистику, но не наши знания о литературе как форме творческой реализации человека. Здесь правомернее другой подход – именно тот, который выбрала Ольга Валерьевна в своей диссертации. Жанровое определение должно помочь нам выяснить пафос поэмы, рассматриваемой не как абстракция, подвид такого-то вида художественных явлений, вне исторического или историко-литературного контекста, но как особенное отражение реальности, в котором суммируются литературные предпочтения, идейные установки и жизненные настроения автора.

Главные достоинства диссертации – нетривиальный анализ структуры Вергилиевых «Георгик», остроумные филологические этюды, сопоставление с литературными моделями, не только иллюстрирующее своеобразие (не постесняюсь сказать – превосходство) римского гения, но и объясняющее замысел дидактика – вытекают из сказанной методологической установки и сосредоточены в последних главах работы, тогда как немногие недостатки – терминологическая неопределенность, школьные формулировки, ограничение массива источников – относятся к первой главе и отчасти ко второй, то есть к тем разделам диссертации, в которых Ольга Валерьевна рассматривает черты дидактического эпоса *per se*, начав с античных теоретиков искусства. Здесь, увы, много пробелов в

библиографии, не цитируются классические труды о ранней античной поэтике (Грюб, Аткинс, Ланата, Форд), в традиционном перечислении признаков автор ограничивается ссылкой на предшественников, не всегда достаточно прозорливых (приписывать Аристотелю мнение, что миметическая поэзия непременно изображает «ложь» по меньшей мере наивно; фигура ученика, хотя бы воображаемая, конечно, присутствует у дидактиков, но в «Теогонии», например, ее нет).

На мой взгляд, важно было бы отделить древнейшую поэзию каталогов, дидактическая цель которой сводится к передаче информации и собственно наставительную поэзию, которой свойственна идейная и этическая тенденция. Такая поэма выходит за рамки каталогизации; каталоги в ней присутствуют, причем зачастую пространные, но они нужны не сами по себе, а ради главной цели – провести определенную идею. Эта очевидная дихотомия в работе Ольги Валерьевны несколько раз отмечена по ходу рассуждения, но следовало бы ее жирно подчеркнуть. Для темы, как тотчас увидим, она существенна: «Георгики» относятся ко второму типу дидактических поэм, каталоги играют в них ту же служебную роль, что и в их главном литературном образце – «Трудах и днях» Гесиода; они даже плотнее связаны с общей идеей, подчинены ей. Важно, кроме того, осознавать отличие античных литературно-теоретических представлений от современных: античность сказанного разграничения не проводила; когда Гораций определяет задачи поэзии как «или развлечение, или пользу» (разделительный союз у последователя перипатетиков строго разводит миметическую и амиметическую поэзию – как в Коаленовом трактате, составлявшемся, вероятно, в Августовскую эпоху), его *prodesse* объединяет оба типа. Возможно, в этом нужно искать ответ на естественно возникающий при чтении начальных разделов диссертации вопрос: что мешало писателям о литературе вплоть до последних веков античности назвать исследуемый жанр словом дидактический?

Надо, впрочем, сказать, что и собственно поэтологическая часть работы не лишена остроумия, пусть даже им соискательница также отчасти обязана своим предшественникам. Так, в качестве одного из конституирующих свойств дидактического эпоса названа отсылка поэта к личному опыту: эта черта, характерная, конечно, только для второго из двух отмеченных типов, то есть назидательного (рекламщики знают, что формула «я сам так делаю» неплохо работает) у Вергилия, по-видимому, традиционна. С другой стороны, Ольга Валерьевна старается логичным образом вписать в свою систему определений известную исследователям раннегреческого эпоса особенность жанра: Музу эпик призывает, когда ему нужно знание. Названная особенность свойственна поэзии каталогов, еще догомеровской, первой из сохранившихся образцов которой является «Список кораблей». Как соотносится она с отсылкой к опыту? Ответ находим в «Трудах и

днях». Обещая научить Перса мореплаванию, Гесиод оговаривает, что сам в этом предмете не сведущ, потому что плавал по морю всего один раз – на Эвбею, где проходил турнир поэтов, и назад в Беотию. Учитывая, что от Беотии до Эвбеи рукой подать, его поездку нельзя считать настоящим плаванием. Тем не менее, он и о мореходстве может говорить, потому что его, Гесиода, «неизрекаемому гимну научили Музы». Опыт и боговдохновением знание первого дидактического поэта, собственно, и ограничено. Для эпигонов третьим источником становится традиция, на свою принадлежность которой Вергилий постоянно скромно указывает.

Причем скромность его особого рода. Это, если можно так выразиться, скромная гордость. Я уже упомянул, что в диссертации Ольги Валерьевны присутствуют (и украшают ее) филологические этюды. Хотя работа чисто литературоведческая, даже литературно-теоретическая, автор отнюдь не враждебна «нанофилологии». Очень уместно в первой главе цитируется отсылка к Гесиоду в 6-ой эклоге. Ольга Валерьевна верно подмечает в этих стихах саморефлексию поэта – хотя формально говорится в них о Корнелии Галле. В данном случае анализ стилистической детали должен объяснить, какой характер отсылка к традиции – то именно, что отличает эллинистических и римских дидактиков от Гесиода и поэтов-философов эпохи архаики – имеет у Вергилия. 6, 70: Музы дают Галлу склеенные тростинки свирели, *Asraeo quos ante seni quibus ante solebat / cantando rigidas deducere montibus ornos*. Анафорическое *ante*, надо думать, указывает на то, что римская элегия, и римская буколическая поэзия (ведь дарят они свирель, а не флейту, больше подходящую Галлу) как минимум не менее сильны художественно, а быть может, и более своеобразны, техничны, яркие, чем первобытная поэзия Гесиода, будь «Аскрейский старец» даже могущественнее Орфея.

С первых страниц, посвященных термину «дидактический» в античности, диссертация читается с интересом; от главы к главе чтение становится все более увлекательным. Автор умеет поставить вопрос, чего во многих случаях уже достаточно; аккумулируемый с недюжинной старательностью материал умело скомпонован, побуждая читателя к поиску. Кульминационным становится рассуждение о композиции «Георгик» в третьей главе. Анализ композиции для наставительной, риторической поэмы кардинально важен, так как именно структура помогает дидактику передать его послание. Риторические элементы (*inventio, dispositio, peroratio* и т. д.) в «Георгиках» вычленялись рядом исследователей. Ольга Валерьевна некоторые из них также отмечает, сосредоточившись затем на общем плане или замысле автора – что она называет единством композиции, а то даже и единством сюжета (с. 124; ранее отмечено, что сюжета как такового в дидактических поэмах нет). Попутно заметим, что вопреки соискательнице единство сюжета не принадлежит к необходимым свойствам

героического эпоса; Аристотель говорит, что так должно быть, но сам же указывает на многочисленные эпические произведения, в которых этого единства нет – «Гераклеиды» и «Тесеиды». Чтобы правильно понимать эстетическую мысль Аристотеля, нужно учитывать ее нормативный или аксиологический характер. В отличие от единства сюжета в героическом эпосе, единство композиции в эпосе назидательном совершенно необходимо и тесно связано с «тематикой и проблематикой» – чему посвящена последняя, четвертая, глава работы.

Итак, если требуется доказать, что труд – это благо (для современников Гесиода – мысль совершенно не тривиальная), следует умело продемонстрировать, что вопреки окружающему злу трудом достигается благосостояние. Что и делает автор «Трудов и дней», сперва показав, как ужасно окружающее (его век – худший из всех, и даже его Аскра ни в один сезон года не хороша – что является явным преувеличением: Беотия, как всем известно, для такого сельского хозяйства, о котором он пишет, подходит лучше других областей Греции), а затем, во второй части поэмы, давая понять что его герой-земледелец обеспечен (может торговать избытками, нанимать батраков, выбирать жену из достойного окружения) и – в пределах возможного – счастлив. Пафос Вергилия, его идеологическая задача сводится к демонстрации того, что августовский век, наоборот, лучший из всех веков. Показать это необходимо также красиво, как делает Гесиод, причем не теряя связи с литературным образцом. Ольга Валерьевна весьма убедительно разбирает структурные взаимосвязи «Георгик», организованных, подобно классической симфонии, по светотеневому принципу. Первая книга полна драматизма: по воле Юпитера завершается золотой век, возникают войны и самая ужасная из войн – гражданская; во второй книге напряжение разрешается в спокойную, светлую пастораль, третья, описывая падеж скота, варьирует тему страданий и смерти; наконец, в четвертой наперекор всему обретается гармония: улей – аллегория идеального государства, божественным промыслом жизнь возникает из мертвой материи. Осознавая гражданский пафос поэмы, соискательница склонна тем не менее трактовать эту симметрию в космологическом духе – как разрушение и обретение гармонии с природой, совершенно по-романтически. Что имеет полный смысл: Вергилий, конечно, не только придворный поэт Августа, и третья книга с ее почти софокловским идейным настроением заставляет думать, что поэт действительно хочет большего, чем только поддержать курс на стабилизацию экономики и развитие сельского хозяйства. Но одно другому не мешает; все же игнорировать идеологические задачи поэмы невозможно. Август – божество, с которого, как с Юпитера, начинается и которым, опять же с намеком на его сходство даже не с Фебом, но с самим Юпитером, заканчивается поэма, присутствует в «Георгиках» постоянно. Ольга Валерьевна совершенно правильно подчеркивает то обстоятельство, что в переходе от золотого

века к нынешнему для Вергилия нет ничего особенно плохого – человечество получает стимул к развитию. Объединенные вокруг своей королевы пчелы – идейная матрица августовской пропаганды; о том что образ действительно привлекался поддерживавшими принцепса интеллектуалами можно судить по его вариации в *De clementia* Сенеки. Бугония в аллегорическом прочтении не могла не вызывать ассоциация с возрождением Рима.

Трактуя композицию «Георгик» в отвлечении от их узко-политического содержания (о котором, впрочем, много писали, так что инновативность приветствуется), соискательница естественным образом концентрируется на отношении поэта к труду. Четвертая глава диссертации включает сколь убедительный, столь же и изящный этюд о *labor improbus* (*Georg.* 1, 145) с новыми аргументами в пользу значения «ненасытный», которое для *improbus* к этому месту дает Глэр. Понимание эпитета в уступительном смысле также привлекательно, удобно ложится в контекст, но отстаиваемое диссертанткой значение «постоянный» следует предпочесть: «нескончаемость» как устойчивое свойство труда снимает отрицательную этическую коннотацию. Не раз привлекается к рассуждению финал поэмы, в котором, по слову автора диссертации, Вергилий «противопоставляет» себя Августу. Ни о каком конфликте, разумеется, не может идти речь, и правильнее было бы сказать не «противопоставляет», а «сопоставляет». «Пока ты метал молнии над Евфратом, и диктовал народам, по их мольбам, свои законы, я, Вергилий, вот как воспользовался своим жалким досугом». (Сфрагида – переделка стиха «Теогонии»: *illo Vergilium me tempore dulcis alebat / Parthenope* = αἰ [т. е. Μοῦσα] νύ ποθ' Ἠσίοδον καλήν ἐδίδαξαν αἰοιδῆν). Неприемлемо, по-моему, толкование в том духе, что, дескать, великий Август, установив мир, дал нам, бедным поэтам, возможность творить. «Скромный» Вергилий в своей обычной индифферентной манере заявляет здесь о значительности собственного вклада в общее дело, то дело, которое он сам совершенно искренне считает для Рима и мира важнейшим.

Мои замечания и несогласные с высказанными в работе трактовки, разумеется, никак не снижают ценность исследования Ольги Валерьевны. Группируя мнения предшественников, здесь и там распространяя их собственными остроумными наблюдениями, исследовательница разбирает жанровые особенности «Георгик» с исчерпывающей полнотой. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода, показывая, что в науке возможна и даже необходима риторика – не искусная манипуляция общими местами, но логичное построение, облегчающее путь к выводам, который вместе с автором должен проделать читатель.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Соискатель Шаршукова Ольга Валерьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры классической филологии
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Позднев Михаил Михайлович
01.12.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Адрес места работы:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 176
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Филологический факультет, кафедра классической филологии
Тел.: +7(912)324-12-70; e-mail: m.pozdnev@spbu.ru